

Александр ЧЕРНОВ
Николай КРАСИЛЬНИКОВ

МОГИЛА для горбатого

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**Александр Чернов
Николай Красильников
Могила для горбатого**

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524455

Аннотация

Вовка Алиферов – не фраер голимый, а настоящий матерый волк. Успел и жизнь повидать, и «зону» потоптать. Недаром ему погоняло дали – Нечистый. Только откинулся, как сразу за дело принялся. Бомбанули с братвой одинокую старуху, вынесли древние иконы, задвинули барыгам за крутые бабки. И вроде бы все путем, но жива осталась старая – дала ментам наводку на гоп-стопников. И закрутилось дело. Следовательно майор Шатохин мужик крутой. Уж если взялся раскручивать ниточку – не соскочишь. Но и Нечистый не лыком шит: нащупал у майора слабое место и подцепил его на крючок. Так что еще вилами на воде писано: кто под чью дудку плясать будет...

Александр Чернов окончил педагогический институт русского языка и литературы. Живет в Москве. Работает учителем. Пишет детективные повести. А. Чернов автор нескольких остросюжетных книг. В его порой иронических произведениях есть все, что необходимо для хорошего детектива: лихой сюжет, держащий читателя в постоянном напряжении, динамика, загадка и неожиданная развязка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	27
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Чернов

Могила для горбатого

Глава 1

Зойка Долженкова лежала на скрипучем диване, задрав ноги. Упираясь пятками в поясницу худосочного юнца, она пружинно прижимала его к себе и тут же расслабляла мышцы ног. Сквозь ставни, тюль и щель между неплотно прикрытых портьер в комнату сочился дневной свет. Игра светотеней вышла на потолке, стенах, шифоньере и нескольких книжных полках причудливый орнамент, который вполне мог служить рисунком для персидского ковра. Было душно. По губастому некрасивому лицу парня с узким лбом, крупным носом и маленькими глазами струился пот. Достигнув круглого безвольного подбородка, капли срывались и падали на дряблую распластанную грудь Зойки с черными сморщенными сосками. Изображать даже подобие страсти Долженкова не собиралась. Молод еще, перебьется. Через пару минут, по тому, как судорожно напряглось тело парня, она поняла, что сейчас произойдет, и в последний момент, убрав ноги с поясницы партнера, ловко вывернулась. «Не хватало еще забеременеть от этого сопляка», – подумала она и громко объявила:

– Следующий!

Парень соскочил с дивана и, подобрав с пола одежду, шмыгнул в смежную комнату. На смену ему в дверях возник юноша лет восемнадцати, выше среднего роста, очевидно, ровесник предыдущего. Прикрыв дверь, он несмело приблизился к лежавшей на диване Зойке. Не думал Женька, что первой его женщиной окажется вот эта лахудра с крашеными-перекрашенными, похожими на паклю волосами. В его воображении рисовалась худенькая, стройная девочка с миловидным лицом и атласной кожей. А перед ним в полумраке лежала вульгарная особа лет за тридцать. Лицо у нее, правда, было миловидным... когда-то. Прямой нос с хищно изогнутой линией крыльев, большие глаза, широкий открытый лоб, красиво очерченный рот. Однако годы, а в большей степени пьянство стерли былую привлекательность, нанесли у глаз и в уголках ее губ сетку морщин, преждевременно состарили кожу, соскоблили румянец. Разумеется, ущерб понесли и другие участки тела, но Женька этого не видел, поскольку Долженкова, изображая целомудрие, прикрывалась простыней.

– Долго будешь пялиться? – грубо спросила Зойка и взыскательным взором «ощупала» фигуру парня. – Не тяни, раздевайся!

Женьку будто подстегнули. Он поспешно снял рубашку, сбросил брюки; испытывая жгучий стыд, тошноту и слабость во всем теле, стал стаскивать трусы. Желания обладать этой, да и вообще какой бы то ни было женщиной у него в этот момент не было. Одно дело – грезить об интимной близости, мечтать о светлом, чистом чувстве и другое – вот так, поскотски, столкнуться с реальностью. Парень сейчас с удовольствием собрал бы свои вещи и покинул эту квартиру, да нельзя. Сидевший в соседней комнате Колька Кабатов и его дальний родственник Володя, да и сама Зойка, поднимут на смех. Щенок! Бабой не смог овладеть!

Женька стянул с себя трусы и стоял, переминаясь с ноги на ногу, скрестив внизу живота ладони. Было ясно, что любовник из него сейчас никудышный. Надо отдать должное Зойке. Она поняла состояние парня, мягко сказала:

– Ну, чего ты там стоишь, дурачок! Подойди ближе, – и, когда парень послушно шагнул к дивану, потребовала: – Закрой глаза!

Рука женщины прошлась по упругому бедру парня, поднялась к животу... задержалась... и неожиданно скользнула в пах. Долженкова стала нежно гладить, массировать и

теребить пальцами внизу Женькиного живота. Тело парня отвечало конвульсивным содроганием.

Женька нравился Зойке. Ладная пропорциональная фигура, узкие бедра, широкие плечи. Не качок, но, видимо, усердно занимается спортом. На груди, руках и животе тугие мышцы. Лицом тоже хорош, не то, что предыдущий губошлеп. Лицо у Женьки удлиненное, чистое, гладкое. Скулы худые, подбородок твердый, нос с горбинкой, на верхней губе темный пушок. Добрые карие глаза парня прикрыты, длинные ресницы подрагивают. Юный античный бог с модной прической. Э-эх! Скинуть бы Зойке лет пятнадцать, охмурить парня да затащить его под венец!

Женька расслабился. Пропала скованность, напряженность, сладострастно задвигались бедра, на лице появилось блаженное выражение. Сопит парень...

Долженкова подвинулась, освобождая рядом с собой место. В полуобморочном состоянии Женька почти упал на диван. У него даже температура повысилась. Продолжая массировать, Зойка взгромодилась на парня и сама вдруг, почувствовав невыразимое наслаждение, задвигалась вверх-вниз...

Едва Женька вышел в соседнюю комнату, как тут же уловил запах анаши, знакомый, наверное, любому живущему в Средней Азии человеку мужского пола. Вовка Алиферов, по прозвищу Нечистый, – высокий, сутулый, худощавый мужчина тридцати четырех лет, с волевым, мужественным лицом, – сидел на диване за столом и, пряча в руках папиросу, с шумом втягивал в легкие вместе с воздухом дым. Конечно же, Нечистый ни от кого не прятался. Он находился в своей квартире, а мать – единственный, кто мог на него вякнуть, – болталась неизвестно где. Нет, Вовка смолил так «косячок», чтобы вобрать в себя и тот дым, что исходил с другого конца папиросы. Жалко все же кайфовый дым даром на ветер выпускать.

Нечистый задержал дыхание и протянул папиросу Кольке.

– Курни, браток, – сказал он хриплым голосом, освобождая легкие от остатков дыма.

Парень взял папиросу и, подражая Алиферову, затянулся. Братом Кольке Нечистый, разумеется, не доводился. Так, дальний родственник – то ли двоюродный дядя, то ли еще дальше. Нечистый недавно вышел из зоны, а всего неделю назад возник в жизни Кабатова. Познакомились они у Кольки дома на дне рождения его матери, куда Алиферов заглянул непрошеным гостем. Очевидно, материнское сердце почувствовало беду, нагрянувшую в ее дом в образе Нечистого, и она попыталась оградить сына от влияния родственничка, категорически запретив Кольке общаться с ним. Да разве он послушается? Парень потянулся к бывшему зэку, как теленок к вымени. Еще бы! Нечистый являлся для него воплощением взрослой разгульной жизни, в которой всегда в достатке имеются деньги, вино и женщины. И держится с ним Вовка на равных, хотя и старше на шестнадцать лет.

Кабатов затянулся во второй раз и протянул папиросу Женьке.

– Я не буду, – заявил тот, усаживаясь за стол, где стояли несколько бутылок пива, водка, фанты, лежали на тарелках помидоры, огурцы, копченая рыба и другая закуска. После баталии с Зойкой он чувствовал себя опустошенным, разочарованным и считал, что никогда в своей жизни не получит удовольствия от секса.

– Ты курни, курни, – осклабился Нечистый. – Тебе понравится!

Женька вежливо отказался:

– В другой раз. Я лучше пива выпью. – Он налил себе в стакан густой темный напиток.

Нечистый настаивать не стал.

– Тогда с водочкой! – предложил он с готовностью и, не дожидаясь согласия парня, плеснул ему приличную порцию водки. – Отменный «ерш» получится. Я бы тоже выпил, да нельзя – за рулем. А вот «дряни» еще курну. От нее запаха нет, ни один гаишник не прицепится... Э-э... Ты не увлекайся, парень. – Нечистый отобрал у Кабатова папиросу. – Для первого раза достаточно, а то «улетишь» еще!

Разбавленное водкой пиво потеряло свой вкус. Удовольствия тянуть эту гадость было мало. Женька залпом осушил стакан и налил себе еще терпкого напитка уже в чистом виде. Исподлобья бросил на Кольку неодобрительный взгляд. Глаза у парня стали красными, дурными. Он обалдело таращился по сторонам и глупо улыбался.

Колька – однокурсник и бывший одноклассник Женьки. Они вместе учились в школе с первого до последнего класса, вместе поступили в автодорожный институт и сейчас после окончания первого курса болтались без дела, не зная, чем занять себя на каникулах.

– А корешок-то твой заторчал, – кивнул Нечистый на Кольку. У него самого глаза уже затуманились. – Не «сломался» бы, а то возись потом с ним.

«Не надо бы Кольке курить этой дряни», – подумал Женька, однако вслух ничего не сказал, а лишь, как бы соглашаясь с Нечистым, покачал головой и хлебнул еще пива.

– Сколько тебя можно ждать, Володя! – недовольно, с нотками нетерпения крикнула из соседней комнаты Долженкова. – Ты идешь или нет?!

Дверь в спальню осталась открытой, и всем троим была отлично видна лежащая на диване женщина.

– Ну и шлюха же ты, Зойка! – неестественно громко рассмеялся Нечистый. – Двоих мужиков через себя пропустила, и все тебе мало! Не хочу я, можешь одеваться!

«Нужен ты мне! – вставая с дивана и заворачиваясь в простыню, обиженно подумала Долженкова. – Как хамом был, так хамом и остался!» – И, подхватив одежду, она под насмешливыми взглядами троих мужчин юркнула в ванную.

Злость на Нечистого не проходила. «Подонок! – негодовала она, стоя под душем и неистово растирая тело мочалкой. – Подставил под двух сосунков, а сам, значит, побрезговал». А ведь было время, когда Нечистый этот бегал за ней, вставал на задние лапы и только что с ладони не ел. Правда, давно это было. Еще до первого срока Алиферова. Лет двенадцать назад. Много воды за это время утекло. Превратилась Зойка из красавицы в уродину, самую настоящую «бичевку».

Долженкова оглядела себя в зеркало, вмонтированное в кафель. Отошала. Зад как два кулака. Угловатость какая-то появилась. Кожа на животе как студень, дотрагиваться противно. Некогда роскошная грудь похожа теперь на уши дворняги. Профукала жизнь Зойка, обнищала. До ручки, короче, дошла. Пожрать и то не на что. Хорошо, что Нечистый на прошлой неделе в пивном баре подвернулся. Видать, при деньгах мужик. Накормил, напоил. Потом еще пару раз домой к ней забегал с водкой и закуской. А вот сегодня притащил в свою квартиру и вдруг заставил под пацанов этих лечь. Сказал, для дела нужно. Пропади он пропадом со своим делом!

Долженкова натянула стиранные-перестиранные трусики. Лифчик она уже давно не носила – не леди. Влезла в старенький шелковый сарафан красного цвета, купленный за бесценку на барахолке, и вышла к мужчинам.

Колька с Вовкой сидели одурманенные. Пацану, видимо, было нехорошо, но он старался этого не показывать. Нечистый кайфовал со стаканом фанты в руке. Женька потягивал пиво. Лишь у него одного глаза не были стеклянными. До чего же все-таки хорошенький мальчишка, этот Женька.

– На, Зойка, курни! – Нечистый взял из пепельницы затушенную папиросу и протянул женщине. – Мы тебе оставили.

Долженкова сунула в рот набитую анашой и табаком трубочку, села рядом с Женькой. Прикурив, стала часто затягиваться, ловя между «отрывчиками» дым с противоположного конца папиросы. Задержала дыхание, уставясь пустым взглядом в лицо Нечистого.

Над Вовкой также поработало время. Постарел, осунулся, у глаз морщины, у рта складки. Тюрьма наложила свой отпечаток. Кожа задубела, покрылась будто налетом копоти. Во взгляде появилась еще большая жестокость, надменность. Но все равно еще привлека-

телен. Гордая посадка головы, правильные черты лица, пронзительный взгляд темных глаз, когда не замутнен «дурью», разумеется.

Зойка выпустила дым, сделала прямо из бутылки пару глотков пива и повторила операцию с папироской.

Нечистый обернулся, взглянул на висевшие за его спиной настенные часы. Они показывали без четверти восемь. Дело шло к вечеру. Через пару часов начнет темнеть.

– Сейчас твой муженек должен заявиться, – с усмешкой глядя на Зойку, изрек Алифиров.

Долженкова поперхнулась дымом.

– Ему-то что здесь нужно? – изумилась она.

– Узнаешь, – интригующим тоном заявил бывший зэк. – Пришла пора действовать. Да ты не дрейфь, Зойка, все будет о'кей!

Глава 2

Сашка Шиляев – худой мужчина тридцати трех лет от роду, среднего роста, с острым носом и тонкими губами. Веки припухшие, вокруг ввалившихся глаз темные круги. Выражение лица тупое, трагичное. Давно нестриженные цвета грязной соломы волосы слиплись на крутом лбу от пота и грязи. Сашка наркоман со стажем. В последнее время он был мелким распространителем наркотиков, за что имел пусть небольшую, зато стабильную дозу в день. Еды Сашке много не нужно. Той мелочишки, что он сшибал на случайных работах, ему вполне хватало на прокорм. И вот пару недель назад «безоблачной» жизни наркомана пришел конец. Шиляева вычеркнули из списка дилеров, получающих за работу дозу. В чем он провинился, ему и самому было неясно. То ли стуканул на кого ненароком, то ли засветился где, то ли на его место взяли более расторопного, молодого дилера, то ли хозяевам стало известно, что Сашке стала требоваться большая доза и он стал плутовать с продажей наркотиков. Как бы там ни было, но остался Шиляев без дозы. Запаниковал Сашка страшно. Заметался по городу в поисках героина, но кто же без денег даст? В ход пошли остатки имущества Зойки, которые он не успел спустить два года назад, когда оказался в подобной же ситуации. Жена ругалась, дралась, спасая скарб, но все напрасно. Мебель и кухонная утварь разбежались из дома, как тараканы. Теперь в Зойкином доме, доставшемся ей в наследство от рано ушедшей из жизни матери, остались кровать, рванный матрас и газовая плита – рухлядь, на которую не всякий бомж позарится. Проданного барахла хватило ровно на неделю. И совсем загнул бы Сашка, если бы на прошлой неделе не познакомился через Зойку с Нечистым. Мужик, сам баловавшийся до отсидки в зоне наркотиками, вошел в положение наркомана. Подогрел пару раз «герой». Ожил Сашка, вновь почувствовал себя человеком, но ненадолго. Пропал на три дня Нечистый, как в воду канул. Словно не понимает, гад, что Сашке до сумасшествия, до рези в сердце ширнуться хочется. К счастью, объявился сегодня Нечистый. Заскочил утром к Сашке, когда он в полной прострации лежал на полу, на драном матрасе, и сказал, чтобы Шиляев пришел вечером к нему домой.

И вот в преддверии ломки тащится похожий на призрак наркоман по пыльным улицам города к Нечистому домой, ползет, как издыхающий пес на порог к хозяину.

...Двери открыл губастый паренек с мутными глазами. Он с удивлением оглядел гостя, будто восставшего из гроба человека, и посторонился, пропуская его в квартиру.

У Шиляева даже не было сил удивиться присутствию в обкуренной и подвыпившей компании жены. Он тяжело плюхнулся на стул рядом с Зойкой. Долженкова уже успела простить мужу спущенное добро, однако сейчас смотрела на него с презрением. До чего же жалок, наркоман несчастный! Хоть бы помылся, а то воняет, как от козла.

В комнате все еще витал запах анаши, а на столе в пепельнице лежала смятая папироса. Шиляев скользнул по ней безразличным взглядом. Сидевшего на игле наркомана травка от «ломки» не спасет.

– Плохо, Санек? – посочувствовал Алиферов, хлебнув фанты.

Шиляев кивнул и заискивающе взглянул на Нечистого.

Алиферов знал, чего ждет от него наркоман.

– Есть, Сашка, есть, – сказал он насмешливо. – Возьми там в баре.

Шиляев преобразился. Из немощного доходяги он вдруг превратился в энергичного, деятельного человека. Его будто порывом свежего ветра сдуло с места. С кошачьей грацией он приблизился к мебелиной стенке, открыл бар. Но здесь его ждало разочарование. На стеклянной полочке лежал шприц, заполненный не прозрачным раствором героина, а мутной коричневатой жидкостью. «Ханка» – низкосортный неочищенный наркотик из опия.

Видя, что наркоман обманулся в своих надеждах, Алиферов посетовал:

– Извини, браток, на «геру» денег нет. Не заработали еще. «Ханка», конечно, для тебя, как для алкаша кока-кола. Привычный кайф не даст, но «ломку», я думаю, скинешь.

На безрыбье и рак рыба. Шиляев достал из заднего кармана потертых джинсов мятый носовой платок и с лихорадочной поспешностью стал расстегивать на рукаве пуговицу. Даже в жаркое время Сашка был вынужден носить рубашку с длинными рукавами, чтобы не демонстрировать окружающим заскорузлые дорожки, повторяющие контуры вен. Закатав рукав, он, помогая зубами, затянул повыше локтя платок, постучал двумя пальцами по руке и с ловкостью опытной медсестры вогнал в вену иглу. Предвкушая облегчение, стал вводить мутную жидкость, с радостью ощущая, как спасительная струя проникает в кровь, горячей волной прокатывает по всему телу.

Уж очень неприятно было смотреть в этот момент на Шиляева. Его манипуляции со шприцем произвели на присутствующих тягостное впечатление. Чтобы разогнать тоску, Нечистый с наигранным весельем заявил:

– Ну что приуныли, гаврики? А не покататься ли нам на тачке по городу?

– У тебя есть машина? – подивился Женька. Парень уже изрядно накачался пивом и водкой.

– Есть. Не «мерс», конечно, «жигуленок» старенький, но бегают еще будь здоров!

Кольке было дурно в накуренной, душной комнате. Он уже давно стремился на свежий воздух.

– Едем! – подхватил он, чувствуя, что еще немного – и его стошнит прямо на палас.

Только Сашка с Зойкой встретили предложение Нечистого без энтузиазма. Знали, куда повезет их бывший зэк.

Наспех убрав со стола, компания вышла на лестницу и спустилась на первый этаж.

Жаркое среднеазиатское лето было в самом разгаре. Все еще было душно, хотя нещадно палившее весь день белое солнце уже давно сменил на небосклоне желтый полумесяц. Ярко сверкала Полярная звезда. Сквозь пыльные, буйно разросшиеся деревья мерцали огни соседнего дома. Из окон какой-то квартиры надрывно кричал магнитофон.

Гараж Нечистого был рядом. Они прошли к торцу дома, к шеренге лепившихся друг к другу боксов. Когда Алиферов три месяца назад вышел из зоны, он первым делом уломал мать купить на имевшиеся у нее сбережения подержанный автомобиль. Без машины Нечистому никак нельзя. Плевать, что под брюхом тачки лошадиной селезенкой хлопает кардан. Плевать на лысые покрышки, на то, что барахлит мотор, а из выхлопной трубы валит сизый дым. На этой тачке Нечистый провернет еще много дел!

Вовка выгнал из гаража автомобиль; пьяная, накачанная наркотиками компания шумно расселась на продавленные сиденья машины, и старенький «жигуленок», тарыхтя, покатил к центральной дороге.

Глава 3

– Господи боже наш! Все, в чем я в сей день согрешила словом, делом и мыслию, ты, как милостивый и человеколюбивый, прости мне. Подай мне мирный и спокойный сон... – стоя на коленях, шептала слова вечерней молитвы Клавдия Павловна Серебрякова – полная благообразная старушка семидесяти трех лет.

Икон у Клавдии Павловны было много – две увешанные ликами святых стены, да у третьей – киот – створчатая рама за стеклянными дверцами, в которой хранились старинные образа. Иконы передавались из поколения в поколение. Большинство в роду Серебряковой были верующими, и Клавдию Павловну родители воспитали благочестивой. Муж Серебряковой, правда, подсмеивался над ее набожностью, но на старости лет и сам стал ходить с нею в церковь. Не стало Ивана Антоновича, вот уж десять годков, как помер. Эх, э-эх!.. А детки ее в Россию подались. Многие сейчас туда из Средней Азии уезжают. К себе зовут. Да как же она свой дом-то оставит? Да у них-то, поди, в квартире и образа повесить негде будет. Нет, никуда она не поедет. И не одиноко ей вовсе, как дети считают. Соседи кругом, вон брат Семен через дорогу живет. Внучка их, Ксюша, каждый день забегает проведывать. Большая уж девка, семнадцать годков стукнуло. Если помрет Клавдия Павловна, они и схоронят.

– ...Пошли мне твоего ангела-хранителя, который покрывал бы и оберегал меня от всякого зла. Ибо ты хранитель душ и тел наших, и тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и во веки вечные. Аминь.

Охая, Клавдия Павловна поднялась с колен и направилась к самой большой полуовальной иконе, у которой едва теплилась лампада. Историю каждой иконы могла рассказать Серебрякова. Эту, самую большую, с изображением Божьей Матери, принесла домой ее бабка. Подобрала на улице, когда большевики громили в двадцатые годы церкви. А этот вот большой крест, распятие Иисуса Христа, из чистого серебра отлит. Работы староуральских мастеров. Достался он ей в наследство от старшей сестры. А этот образ из монастыря. Ой, да много чего интересного могла рассказать про иконы Клавдия Павловна. Было бы у кого желание слушать.

Старушка затушила лампаду – при ее скудной пенсии она не могла позволить себе жечь масло круглые сутки – и вышла из комнаты. Старенькие ходики в коридоре показывали без десяти десять.

«Петухи уж спят давно, а я сегодня что-то припозднилась», – подумала старушка и, ступая по скрипучим половицам, отправилась на веранду. На улице за оконной рамой тьматмущая. Даже будки Тузика не видать. Задержав занавеску, она проверила щеколду и вернулась в коридор. Для верности закрыла на крючок и вторую дверь: ангел-хранитель ангелом-хранителем, а меры предосторожности тоже нужно соблюдать. Зевая, Клавдия Павловна вошла в боковую комнату, свою спальню.

Перекрестившись еще раз на висевший в углу образ Божьей Матери и пробормотав:

– Пресвятая Богородица, спаси нас! – старушка улеглась в кровать и уже через пять минут спала сном праведницы.

Глава 4

Шиляев открыл калитку и нетвердой походкой направился к дому. Метнувшаяся к нему с лаем собака получила мощный удар гвоздодером по челюсти, который отбросил ее к забору. Заскулив, пес нырнул в конуру и забился в дальний угол. Довольный своей ловкостью и удачей, Сашка приблизился к крыльцу, вставил в щель между косяком и дверью расплюснутый конец толстого железного прута. Старые ржавые шурупы, державшие щеколду с обратной стороны двери, отскочили, едва Шиляев надавил на гвоздодер. Не помогли Клавдии Павловне усердно прочитанные на ночь молитвы.

Наркоман негромко свистнул. Во двор вошли Женька и Колька. Ребята успели еще где-то добавить и сейчас с трудом держались на ногах. Но как бы пьяны они ни были, оба отчаянно трусили, понимая, что идут на преступление.

Сашка ступил на веранду. Дверь в коридор также оказалась на запоре. Как и в первом случае, Шиляев сунул в щель гвоздодер. Недолго сопротивлялся и крючок, отскочил со звуком лопнувшей струны. Шиляев прислушался. Было тихо, лишь собачий лай разносился далеко окрест.

Наркоман отлично помнил план дома. Его в деталях начертила Зойка. Это она навела Нечистого на эту хату. Проговорилась дура, хвастаясь в первый же день, наплела языком своим поганым, а Нечистый вцепился, как клещ, разработал план и вот сегодня погнал их на дело. Сашка, впрочем, за дозу был готов на все. Зойку быстро уломали. Пацаны? Они толком еще не осознали, во что вляпались...

Справа столовая, слева спальня бабки, прямо – зал, из него дверь направо и ведет в комнату с иконами. Колька пыхтел за спиной у Сашки. Тот знаком приказал парню пока оставаться на месте и вошел в коридор. Воздух в доме был затхлым, будто прелым. Над головой громко тикали ходики. Надрывно, тягуче заскрипела под ногой половица, и наркоман замер, прислушиваясь. Спит старуха. Зойка говорила, глуховата бабка. А если и проснется – не беда, вырублю старую или, в крайнем случае, свяжу, лишь бы лицо не разглядела.

Так, успокаивая себя, передвигался Сашка по коридору. А вот и зал. Шиляев переступил порог, а затем, нащупав дверь, вошел в боковую комнату. Икон здесь было так много, что в первую секунду Сашка даже растерялся, не зная, какую из них брать, потом направился к киоту. С образов, освященные бликами лунного света, на него взирали скорбные лики святых. Любой обычный человек в подобной обстановке, наверное, испытал бы суеверный страх, но только не Сашка, который испытывает страх лишь перед Ее Величеством «ломкой». Именно этот страх остаться завтра без дозы и загнал Шиляева в этот дом на окраине города, в эту комнату с образами.

Сашка открыл дверцу киота и протянул руку к иконе, стоящей слева, именно той, которую описывала Зойка – массивная, в центре большой золоченый крест.

Держа икону перед собой, Шиляев осторожно вышел в коридор и передал ее Кольке. Тот в свою очередь вынес образ на улицу, где его поджидал Женька. Придуманная Нечистым схема пока действовала безотказно.

Старушка по-прежнему крепко спала, даже похрапывала. И совсем было успокоился и обрел уверенность Сашка, если бы не вой забившейся в конуру собаки. Громко, протяжно был пес, нагоняя тоску, будто оплакивал кого-то.

Уже знакомой дорогой Шиляев вернулся в комнату.

«Вот эту, – выбрал он для выноса следующую икону. – И еще большой крест с распятием Иисуса Христа». – Он протянул было руки к иконе, но в это время в спальне заворчалась старуха. На весь дом отчаянно заскрипели пружины кровати. Шиляев замер, при-

слушиваясь к тяжелому старческому кряхтению, которое, к счастью, вскоре прекратилось. Пронесло! И Сашка взялся за икону.

Разбудил-таки пес Клавдию Павловну!

«И чего же он воет-то так, – сердясь, подумала она. – Ведь накормила же! – Серебрякова с трудом поднялась с постели, вышла в коридор и, ворча, направилась к веранде. – А может, опять эти проклятые коты проникли на веранду и тревожат собаку?»

Возвращаясь с улицы, Колька, увидев в коридоре вместо Сашки хозяйку дома, на мгновение оцепенел, потом с перепугу шарахнулся в сторону, загремел посудой, ведрами, упал и, чтобы его не заметили, на четвереньках выполз назад на улицу.

– Брысь, окаянные! – сонно крикнула Клавдия Павловна, решив, что это коты лазят по столу, поганят посуду.

От крика хозяйки Шиляев вздрогнул, пришел в себя. «Что делать? – мелькнула мысль. – Сбить старуху сзади и скрыться неопознанным?» Но страх, все тот же проклятый страх наркомана остаться утром без спасительной жидкости в капроновом шприце заставил Шиляева взять икону. Вынув из киота еще и массивный крест, он пошел к выходу.

Клавдия Павловна вышла на веранду. Никаких котов там не оказалось, и тут она, окончательно проснувшись, осознала, что дверь на веранду распахнута настежь. «А я ведь все двери с вечера запираю. Все сделала как следует, это уж я хорошо помню. – Вдруг она увидела, что и дверь, ведущая во двор, тоже открыта. – Что все это значит?» – в страхе подумала Серебрякова и, на ходу твердя молитву, подошла к двери. Она хотела закрыть ее, но тут заметила, что щеколда держится на одном шурупе. «Воры!» – осенила ее ужасная догадка. Крикнуть хотела старушка, но от страха перехватило горло, и Клавдия Павловна, повернув назад, с бешено колотящимся сердцем заковыляла в дом.

Ступив в коридор, включила свет – и нос к носу столкнулась с грабителем. Худой, невысокий мужчина, с острым носом и тонкими губами стоял перед ней, держа в одной руке икону, а в другой крест. Клавдия Павловна оторопела, потеряла дар речи, хотела заголосить, но крик застрял у нее в горле. Серебрякова в страхе отступила и тут увидела, какую именно икону держит в руках грабитель. Это был образ «Всех скорбящих радость». Именно его благословил ей родитель, выдавая замуж. «Прими и храни эту икону, дочка, – вспомнила она слова отца. – Она не только исцеляет от всех болезней, но оберегает от всех невзгод и напастей».

И вот сейчас этот священный образ держал в руках грязный, небритый оборванец с темными кругами под глазами. Старуха забыла о страхе и, в упор глядя на бандита, заявила:

– Отдай, поганец, икону!

Не тут-то было. Бандит со странной блуждающей ухмылкой на бескровных губах потребовал:

– Уйди, бабка, с дороги! – Он попробовал обойти препятствие.

Однако кажущийся спокойным тон грабителя, наоборот, вселил в старуху уверенность, придал смелости.

– Отдай, говорю! – выкрикнула она неожиданно прорезавшимся голосом. – Они тебе ни к чему, а я молюсь на них. Нельзя к ним прикасаться погаными руками – Господь покарает! – попыталась убедить бандита Клавдия Павловна.

Наивная старуха не понимала, какой опасности подвергает свою жизнь, вот так отважно становясь на пути бандита. Знай она, что перед ней наркоман, для которого существует лишь один бог по имени «гера» и одна икона – капроновый шприц, может быть, и отступила бы в сторону с привычным: «Бог тебе судья!» Однако Серебрякова и подумать не могла, что ее, старуху, посмеет кто-нибудь обидеть, да еще в ее собственном доме, поэтому твердо стояла на своем:

– Отдай, говорю тебе, иконы! Не то кричать буду! – И она протянула руки к образу.

– Кричать будешь? – с угрозой спросил бандит и неожиданно рукой, в которой держал крест, сильно толкнул старуху в грудь.

Серебрякова оступилась и, словно подрезанная, навзничь упала на пол. Хрустнули старческие кости. Превозмогая боль, она дико закричала:

– Помогите! – наконец-то осознав, что ее пытаются убить.

Обезумевший Сашка нанес ей еще один удар, а потом, надавив на грудь крестом, стал наносить жертве удары иконой по голове, стараясь угодить в висок.

Глава 5

Едва Нечистый слышал грохот посыпавшейся на веранде со стола кухонной утвари, он тут же понял, что «мирного» ограбления не получится. «Что там еще учудили эти скоты безмозглые?» – подумал он зло, с напряжением вглядываясь в темноту ночи. Из экономии свет на самых отдаленных от центра города улицах местные власти давно уже не жгли.

Первым в машину юркнул Женька. Он был трезв, как стеклышко. За ним, стуча от страха зубами, влез Колька. Через долгих пять минут, показавшихся нервничающей компании вечностью, из дома наконец вышел Шиляев. С невозмутимым видом, держа под мышкой крест, а в руках икону, он подошел к машине и влез на заднее сиденье, устроившись рядом с Женькой и Колькой.

– Поехали! – сказал он Вовке, как барин кучеру, и сунул в руки ребят образ и распятие. – Держите, пацаны!

Но Нечистый и без его команды уже завел машину. Не включая фар, он поехал вверх по улице. Через тридцать метров подобрал стоявшую на стреме на пересечении улиц Зойку. Она единственная, кто не слышал устроенного в доме старухи переполоха. Заметив в руках ребят иконы, с облегчением вздохнула: «Наконец-то все осталось позади», – и плюхнулась на переднее сиденье.

Не включая фар, «жигуленок» выехал за окраину города, подальше от дома старухи.

– Что там у тебя случилось? – сосредоточенно ведя впотьмах машину, недовольно спросил у Шиляева Нечистый. – Бабку разбудили?

– Ага! – с глупым смешком изрек за его спиной Шиляев.

Алиферов выехал на ухабистую проселочную дорогу. Пришлось включить фары, чтобы не угодить в какую-нибудь колдобину и не засесть в ней с машиной до рассвета.

– Надеюсь, у тебя хватило ума не показывать старухе свою рожу? – спросил Нечистый. – Она тебя не запомнила?

– Может, и запомнила, – интригующим тоном изрек Шиляев. – Да теперь уж никому не скажет.

Нечистый сразу смекнул, что кроется за словами наркомана, но, не смея поверить в свою догадку, на всякий случай спросил:

– Что ты хочешь этим сказать?

Сашка выдержал эффектную паузу, хвастливо изрек:

– То, что слышал. Грохнул я эту старуху!

Все сидевшие в машине сообщники испытали шок. У Женьки заныло, засосало под ложечкой, а потом, будто все внутренности ухнули куда-то вниз. Колька почувствовал спазмы в желудке. Сдерживаемая весь вечер тошнота вдруг разом подступила к горлу, и он сейчас хотел только одного: высунуть голову в окно и вырвать – вырвать пивом, водкой, мутившей душу анашой и диким страхом, который вселился в него с той самой минуты, как Нечистый предложил забрать из дома бабки иконы. Зойка вообще потеряла дар речи, а Алиферов резко надавил на педаль тормоза.

– Ты ее замочил? – визгливо переспросил он и вдруг заорал: – Да ты совсем дурак!

Колька воспользовался моментом, выполз из машины и стал рвать прямо на дорогу, освобождая раздутый желудок от накопившейся в нем теплой горьковатой слизи.

– Сам ты дурак! – заорал в ответ Шиляев. – Я вас всех спас! – Он действительно считал, что так оно и есть и вместо упреков со стороны Нечистого он заслуживает только благодарность. – Я нос к носу столкнулся с бабкой. Она меня запомнила, и если бы я не замочил ее, то сидеть нам всем завтра в кутузке.

Эти слова мгновенно разъярили Нечистого.

– Ах ты, спаситель наш! – тоном, не сулившим ничего хорошего, изрек он, выскочил из машины и, открыв дверцу, выволок на дорогу Шиляева. – Спас, говоришь? – Мощный удар снизу в челюсть поверг Сашку наземь, но он умудрился вскочить и тут же получил еще один удар, который отбросил его на обочину в пожухлую траву. – Ты же всех нас в «мокруху» втянул! – Алиферов приблизился к повергнутому Шиляеву и со всего маху пнул его ногой под ребра. Жесток был Нечистый. – Мне же теперь из-за тебя, козла, минимум пятнадцать лет на зоне корячиться! – Новый удар по ребрам. – Я же три месяца, как откинулся, падло! На! На!..

Град ударов посыпался на Сашку. Тот не сопротивлялся. Лишь закрыл голову руками и повернулся на бок, подставив Алиферову спину.

До смерти забил бы бывший зэк наркомана, если бы не Зойка. Она уже спешила на помощь мужу. Подбежав к Нечистому, оттолкнула его и, урезонивая, зашипела:

– С ума сошел, Вовка! Нашел время затевать свару! Бежать надо подальше от этих мест, пока нас менты не застукали!

Вспышка бешенства у Нечистого так же внезапно прекратилась, как и возникла. Он презрительно сплюнул в сторону Шиляева и, резко повернувшись, направился к машине. Долженкова была права. Нужно уходить.

– Поехали, урки! – сказал он, с угрюмым видом усаживаясь в «жигуленок».

Колька с пустым желудком, свеженький, уже сидел на своем месте. Оба парня, на чьих глазах только что разыгралась жестокая сцена, подавленно молчали.

Долженкова помогла мужу подняться. Пока супруги шли к машине, Шиляев опирался о Зойкино плечо. Нечистый расквасил ему лицо и здорово отбил внутренности.

– Поменяйтесь местами! – приказал Алиферов супругам, когда они подошли к автомобилю. Ему было бы неприятно, если бы за его спиной сидел избитый им наркоман и дышал ему в затылок ненавистью.

Чета беспрекословно выполнила указание главаря, и машина тронулась с места.

Сделав солидный крюк по полям, автомобиль вновь въехал в город. Было около часу ночи, лишь одинокие коты да собаки шныряли в закоулках. К дому супругов Нечистый подъезжать не стал, не хотел, чтобы кто-нибудь из соседей случайно обратил внимание на его машину. Не прощаясь, парочка выскользнула из машины на одном из перекрестков частного сектора и растворилась в темноте.

– Ладно, пацаны, не переживайте! – с напускным весельем сказал Нечистый, когда «жигуленок», минуя пост ГАИ, выехал на центральную, ярко освещенную огнями улицу. – Вы здесь ни при чем. Виноват во всем Сашка. Он убил старуху, ему и отвечать. Так что забудьте о том, что было. Может быть, все еще образуется... И держите языки за зубами, не то... – в тоне Алиферова звучала угроза, – в общем, худо вам будет...

Вскоре Женька и Колька выскочили у знакомого перекрестка и разбежались по домам.

Глава 6

Вера Андреевна не спала. Она отлично слышала, как Женька открыл своим ключом входную дверь, а потом, не зажигая света, прокрался в свою комнату. Чтобы не поднимать лишнего шума, который мог бы разбудить мужа и младшего сына, она дождалась, когда Женька уляжется, затем тихонько встала, вошла в комнату сына и включила свет. Парень притворился спящим.

Похожи они были – мать и сын. Те же темные волосы, то же удлиненное чистое лицо, тот же нос с горбинкой, кроткие карие глаза, даже ямочки на щеках и те одинаковые. Только подбородок у Веры Андреевны по-женски округлый да поупитаннее она сына. Ну и старше, понятно, Женьки на двадцать три года. Однако моложава, ухоженна, стройна.

Вера Андреевна прикрыла дверь и негромко сказала:

– Время половина второго. Где ты шатался?

Притворяться спящим дальше было глупо. Женька якобы с трудом разлепил веки и сделал сонные глаза, чтобы мать не догадалась, что он выпил.

– На улице был с ребятами, – признался он.

Ответ был исчерпывающим. Не зная, что еще сказать, мать строго спросила:

– С какими еще ребятами?

– Ай, мама! – не выходя из образа смертельно уставшего человека, произнес парень. – Ну с Колькой. Остальных ты не знаешь.

– Но ведь поздно же, Женья, – смягчаясь, сказала Вера Андреевна. – Я не сплю, беспокоюсь. Отец только перед твоим приходом уснул. А нам завтра обоим на работу.

– Ну и спали бы себе спокойно, – сладко зевая, посоветовал сын. – Подумаешь, посидел во дворе с ребятами. Что тут такого?

– Ты бы хоть зашел, предупредил...

– Вот еще. Там же парни, девушки, а я, как маменькин сынок, побегу домой родителям докладывать, когда вернусь? Меня же потом засмеют.

– Девушки тоже были? – удивилась мать.

– Были. И никого из них, представь себе, родители не караулят дома у двери.

– Ты-то откуда знаешь? – усмехнулась Вера Андреевна.

Женька натянул до подбородка простыню.

– Знаю. И вообще, мама, я уже совершеннолетний, имею право на собственную жизнь. – Делая вид, что засыпает, пробормотал: – Каникулы ведь... Дай отдохнуть...

Вера Андреевна выключила свет, вышла из комнаты и, прикрывая дверь, подумала: «И чего разволновалась? Женька парень покладистый, смирный, не то, что младший баламут. Ничего с ним не случится... Действительно, весь год парень трудился, первый курс закончил без троек. Что мне еще нужно?..» И еще одно обстоятельство успокаивало и наполняло нежностью к сыну сердце матери. Обычно скрытный Женька в таких вот ситуациях, когда его ругали или выпрашивали, отмалчивался, а здесь вдруг ребята, девчата, как маменькиного сынка засмеют. Не бог весть какая откровенность, но все же именно это обстоятельство сближало мать с сыном, еще больше роднило, словно он приоткрыл дверцу в свое сердце, пусть хоть чуть-чуть, хоть краешком глаза, дал заглянуть в свой мир.

«А может, у него девушка появилась? – уже лежа в кровати, подумала мать. – Может быть, влюбился парень да с ней все время проводит? Но, конечно, в этом он уж никогда не признается. Как всегда, узнаю обо всем стороной... Ох, до чего же спать хочется!..» – Через пару минут Вера Андреевна спала безмятежным сном.

А Женьке было не до сна. Едва он закрывал глаза, комната начинала раскачиваться, кружиться. То вдруг на него наваливался потолок, а то разверзался пол и Женька парил,

парил над пропастью, готовый каждое мгновение рухнуть вниз. А когда парень открывал глаза, ему мерещилась то тюремная камера, то убитая старуха, которую он и в глаза-то не видел.

Глупо, как глупо они попались на уловку Нечистого! Он покатал их по городу, а потом отвез в кафе, купил пива, водки, шашлыки, а когда все захмелели, стал насмехаться над Женькой и Колькой. Мол, сосунки, ничего слаще морковки в жизни не видели. Вам, мол, крутыми мужиками никогда не стать. Колька, пьяный дурак, понес околесицу. Стал хвастаться перед авторитетным родственничком, вспоминать все свои хулиганские выходки, пьянки, драки, чуть ли не с первого класса. Тут его Нечистый и прищучил. Ну, раз, говорит, ты такой деловой, поехали, проверим. Дело, говорит, пустяковое, зато видно будет, что ты из себя представляешь. А у самого глаза насмешливые, презрительные. Купился Колька. Запросто, говорит, – едем! Женьке деваться некуда было. Час поздний, до дому далеко, транспорт в это время плохо ходит. Да и денег, признаться, у парня на дорогу не было. В общем, он тоже влез в машину. Дело вначале действительно несерьезным показалось. Будто даже игра какая. Словно в пионерском лагере в павильон к девчонкам идешь лица зубной пастой мазать. Самое главное – никого не разбудить. Кто же знал, что все так обернется?

Может быть, во всем признаться отцу? Ох, и устроит же он нагоняй! Отец мужик своеправный, несдержанный, бить, правда, никогда не бьет, но наорать так может, что душа в пятки уйдет. А с другой стороны, Нечистого опасаться нужно. Психованный он какой-то. Сашку как отдубасил... Ну и положеньице, во влип! Ладно, подождем до завтра, там видно будет.

Женька перевернулся на живот и уткнулся лицом в ладони. Вскоре круговерть остановилась, все линии будто сошлись в одной точке, устремились вниз, и Женька уснул.

Глава 7

Ксюшка Вихрова просыпалась ни свет ни заря. Ранняя птаха – жаворонок. Выпорхнула из кровати, потянулась своим стройным, гибким, как тростинка, телом и подошла к зеркалу переплести растрепавшуюся за ночь косу. Гарная дивчина Ксения, как сказали бы родственники Вихровых на Украине. Густые русые волосы ниже поясницы, открытый, высокий лоб, шелковые брови. Глаза серые, бездонные, в них то и дело зажигается лукавый огонек. Нос у девушки идеальной формы с утонченными крыльями. Зубки ровненькие, губы сочные, яркие. Такое лицо даже косметикой портить жалко. Ксюшка ею и не пользовалась. Так, подкрасит иной раз глаза.

Девушка расчесала волосы, заплела тугую толстую косу и сбросила с себя ночную рубашку. Грудь у Ксюши маленькая, упругая, с нежными розовыми сосками. Когда она проводит по ним рукой, они твердеют. Маленькие кружевные трусики обтягивают округлые ягодицы, спереди линия ног плавно раздваивается, переходя в два изящных полумесяца. Когда Ксюшка сверху вниз смотрит на свои ноги, они кажутся ей некрасивыми. Но в зеркале очень даже ничего – длинные, ровные. Не девка Ксюшка – персик! И кто же его сорвет?..

Девушка надела коротенький в мелкий цветочек сарафан, вышла в коридор, а затем на веранду, где бабушка Нина – сухая статная старуха в ситцевом платье и платке – пекла блины. Лицо у бабки точно у княгини или графини какой – холодное, аристократическое. Тонкие с синеватым отливом губы надменно поджаты, но при виде внучки суровое выражение с лица старухи исчезает.

Недолго осталось Ксюше жить у деда с бабкой. Через год уедет девка к своим родителям, и поминай как звали. Дочь стариков с зятем и младшим внуком, как и дети Клавдии Павловны, уехали недавно в Россию, а вот Ксения осталась еще на год, оканчивать последний курс медицинского училища. Разъезжается народ.

– Уже проснулась, зорька ясная! – улыбаясь, приветствовала внучку старуха. – Выспалась?

– Выспалась, бабушка.

– Вот и ладно! – старуха ловко перевернула на сковородке блин. – Иди умойся да отнеси бабе Клаве блинов, пока горяченькие. Пушай побалуется. А потом и сами будем завтракать.

Подхватив полотенце, Ксюша взяла мыло, зубную пасту, соскочила с крыльца и направилась в глубь двора к водопроводной колонке.

Тугая струя воды ударила в цемент, обрызгала ноги девушки. Какая холодная!.. Бр-р, аж кожу жжет.

Умывшись, Ксения вернулась на веранду, где бабка вручила ей тарелку с блинами, накрытую поверх еще одной. Держа гостинец перед собой, девушка обошла огромного пса, чавкавшего у своей миски, вышла из ворот и направилась через дорогу наискосок к старенькому, потемневшему от времени дому с разросшимися в палисаднике кустами смородины.

До чего же ужасна дорога на улице. Не ремонтировалась, наверное, лет сто. Вся в рытинах, того и гляди, споткнешься и нос расквасишь. Но все обошлось. Блины до бабы Клавы девушка донесла в целости и сохранности. Но что-то не так во дворе Серебряковой. Тузик, глупый Тузик не бросается, как всегда, с радостным лаем навстречу, а, поджав хвост, жмет к забору. Дверь на веранду распахнута настежь, щеколда держится на одном шурупе. Оттуда, из дома, будто холодом дохнуло на Ксюшку. Она вошла на веранду, поставила тарелку на стол и осторожно, с опаской открыла дверь в дом.

Ужасная картина представилась взору девушки. В коридоре на полу, головой к дверям, широко раскинув руки и ноги, лежала Клавдия Павловна. Седая, повязанная вокруг головы коса съехала набок, на виске кровоподтек, лоб распух, черен. Вскрикнув, Ксюшка бросилась

к Серебряковой. Рука старухи оказалась теплой. Помогли навыки, приобретенные в медицинском училище. Та-ак!.. Зрачок на свет реагирует, пульс еле-еле, но прощупывается. Теплится еще жизнь в теле Клавдии Павловны! Спасать нужно бабушку!.. Ксюшка опрометью выскочила из дома Серебряковой и кинулась через дорогу к своему.

Дед Ксюши, Семен Чугунов – крепкий бородатый старик с умным, живым взглядом – возился в огороде с пчелами. Меду в этом году будет много. Пчелы трудились отменно, и он ставил на ульи передовых семей «магазины» с дополнительными рамками.

Завидев бегущую внучку, дед сразу заподозрил неладное и, как был в резиновых перчатках и с сеткой на лице, заспешил наперерез внучке. Перехватил он ее почти у самых дверей веранды.

– Бабушка, дедуля! – силясь не паниковать, заговорила Ксюша. – Вы только не волнуйтесь!.. На бабушку Клаву ночью напали, она лежит там в доме, в коридоре. Но она жива. Нужно срочно вызвать «Скорую помощь»!

Как ни старалась девушка не напугать стариков, те все же переполошились. Накрывавшая на стол бабка, охнув, заметалась по веранде. У деда даже сквозь сетку было видно, как вытянулось и побледнело лицо. Он сорвал с головы шляпу с ниспадавшею с ее поля сеткой и приказал жене:

– Иди к телефону, вызови «Скорую», а мы с Ксюшей пойдем к сестре. – На ходу освобождаясь от брезентовой куртки и перчаток, он заспешил к воротам.

Ксюша устремилась за дедом.

Сестра Чугунова лежала в той же позе. Вдвоем дед с внучкой не смогли поднять грузное тело старухи. Прибежала баба Нина, запричитала, заохала, потом кликнули соседа, и уже толпой перенесли Клавдию Павловну на кровать. Только после этого Семен Павлович прошелся по комнатам, чтобы выяснить: чего же понадобилось ночным взломщикам в доме сестры? В дальней комнате он обнаружил пропажу икон.

– Вот зачем приходили мерзавцы в дом к Клаве, – сказал он жене, внучке и соседу, указывая узловатым перстом на пустые полки киота, и покачал головой: – Нехорошо они поступили, ох нехорошо! Воздастся им по заслугам за такое святотатство и на этом, и на том свете. За то, что иконы похитили, и за то, что на старуху руку поднять посмели. Помяните мои слова!

Минут через пятнадцать приехала «Скорая помощь». Молоденькая врач в кокетливо приталенном халатике процокала на высоченных каблуках к кровати Клавдии Павловны. Ксюшка тащила за ней медицинский чемоданчик. Осмотрев Серебрякову, врач сделала ей укол и распорядилась принести носилки. Клавдию Павловну вынесли на улицу, погрузили в машину «Скорой помощи». В себя она так и не пришла.

– Ваша сестра находится в крайне тяжелом положении, – сообщила врач, усаживаясь на переднее сиденье автомобиля. – Мы отвезем ее в районную больницу, а оттуда сообщат о факте нанесения тяжких телесных повреждений в милицию. До свидания!

Урча, машина плавно выехала со двора.

Глава 8

Утром того же дня у ворот дома Долженковой остановился синий, выдавший виды «жигуленок». У ворот – это, конечно, громко сказано. Некогда здесь действительно стояли настоящие железные ворота, да Сашка пропил их или «прокурил», «проколол», как угодно, а вместо них сколотил из реек две створки в метр высотой. Двор, как и положено у бичей, зарос бурьяном, штук пять фруктовых деревьев выродились, виноградник засох.

Нечистый вылез из машины, прошел по бетонной дорожке и ступил на веранду. В руке он нес старый желтый портфель. А Вовке нравился домик Долженковой. Большая веранда, длинный широкий коридор, по обе стороны от него две комнаты, в конце – зал. Он соединен еще с одной комнатой, спальней. Отличный был бы домик, если к нему руки приложить, а эти бичи даже полы подмести не могут, не говоря уже о том, чтобы окна помыть или паутину с потолка поснимать. Как продал Сашка мебель на прошлой неделе, так до сих пор остались на полу, где она стояла, пыльные пятна. Не дом, а тонущий корабль с двумя дохлыми крысами на борту. Одна из них лежит вон с журналом на единственной уцелевшей после распродажи кровати в зале, другая корчится от начинающейся «ломки» на полу в спальне. Это ощущение хорошо знакомо Нечистому, будто в позвоночник вгоняют кол, который начинает разрастаться корнями по всему телу, вызывая невыразимую словами боль. Боль, от которой хочется выть, лезть на стену, кататься по полу. Алиферов прошел через эти муки. Он и сел-то в первый раз на зону за то, что во время «ломки» вызвал на дом «Скорую помощь» и с ножом в руках стал требовать у врача на дозу. На зоне Нечистый избавился от тяги к сильным наркотикам и с тех пор ни разу не прикасался ни к героину, ни даже к «ханке».

Завидев Нечистого, Шиляев подался к нему, как утопающий к спасательному кругу.

– Бабки принес? – Он уже забыл о нанесенной ему Алиферовым обиде, о том, как он вчера жестоко избил его.

Нечистый тоже предпочел не вспоминать о вчерашнем инциденте.

– Какие еще бабки? – удивился он.

– Ну как же, за иконы, те, что ночью у старухи взяли! Нам же с Зойкой за них тоже доля причитается!

– Ах, за иконы?! – Алиферов смерил сидящего на полу Шиляева насмешливым взглядом. – Ты что же, считаешь, что я с утра на рынок сбегал, толкнул их, а теперь к тебе при-мчался, долю приволок? Ну ты и ухарь! – Нечистый откровенно издевался. – Я вижу, «гера» тебе все мозги высушила... Нет, кореш, продавать иконы в столицу повезешь ты!

– Я?! – изумился Шиляев. – Да ты что, Вовка, я же там никого не знаю!

– Не бойсь! – заржал Нечистый и с шутливой фамильярностью пнул Шиляева по ноге. Он вообще перестал церемониться с наркоманом, обращался с ним как с презренным существом. – Не на пустое место посылаю. Поедешь к конкретному человеку, адресок я дам. Башли с него возьмешь и назад. Тебе же, дураку, еще и алиби какое-никакое состряпать нужно. Как старушку-то ночью пришил, не забыл еще?

Шиляев отрицательно покачал головой и попробовал слабо возразить:

– Куда же я с такой рожей поеду-то?

– А что, рожа как рожа. – Нечистый критически оглядел лиловый синяк под глазом Сашки и его опухшие губы. – Очки темные напялишь, а губы платочком будешь прикрывать. А вот побриться тебе обязательно нужно. В общем, вот тебе рубашка, брюки и туфли, – Алиферов раскрыл портфель и подал Шиляеву одежду и обувь, прихваченные дома из своего гардероба. – Вещи не новые, но все равно лучше твоих обносков. В них ты солидным фраером будешь выглядеть. Давай приводи себя в порядок, одевайся, и катим на автовокзал. Через час автобус отъезжает, я узнавал.

– Я же не доеду, – униженно и подобострастно сказал Шиляев и посмотрел на возвышавшегося над ним Нечистого взглядом собаки, которая ждет, когда ей бросят кость. – Меня же «ломает», Вовка! Мне доза нужна.

– Достал ты меня со своими дозами, – проворчал бывший зэк. Ворчал он для вида. Нечистый отлично понимал, что Шиляев без дозы не человек, поэтому принес ему «ханку». – На, «ширнись»! – Алиферов швырнул на матрас наркоману целлофановый пакетик с коричневой желеобразной массой. – И пошевеливайся! Когда вернешься, сядешь на «геру». Это я тебе обещаю. Снова «белым» человеком будешь.

Зажав дар в кулаке, Шиляев отправился на веранду к газовой плите. Лежавшая на кровати Зойка делала вид, будто внимательно читает десятилетней давности журнал. На самом деле она ни слова не пропустила из беседы мужа с бывшим зэком и, когда тот вышел из спальни в зал, отложила журнал.

– Между прочим, мне тоже на опохмел полагается, – заявила она нахально. – Да и позавтракать я бы не отказалась.

– Что я тебе, папа, что ли? – рыкнул на Долженкову Нечистый. – Перебьешься!

– Не перебуюсь! – звонко возразила Зойка, и ее слова эхом отозвались в пустой комнате. – Мне все равно, кто ты для нас, папа или «пахан», но пока мы работаем на тебя, ты должен заботиться о нас, хотя бы до того времени, когда получим бабки за иконы.

Нечистый спорить не стал. Эта семейка еще была нужна ему для осуществления дальнейших планов. А в ближайший час он рассчитывал с помощью Долженковой выяснить обстановку в доме убитой старухи.

– Навязались вы на мою голову, бичи чертовы! – пробормотал он и, выходя на веранду покурить, бросил Зойке: – Ладно, собирайся! Проводим твоего муженька, а потом что-нибудь придумаем.

Собираться Долженковой особо нечего. Весь имеющийся у нее гардероб на ней. Достала из-под матраса потрепанную «косметичку», извлекла из нее коробочку с остатками дешевой туши и, усевшись на кровать с осколком зеркала, принялась краситься.

Опустилась Зойка. У Нечистого жратву и водку кланчит. Она – Долженкова Зойка! – которую раньше богатые мужики по лучшим кабакам возили, угощали изысканными блюдами и первосортными напитками. Может, и вышла бы она за одного из них замуж, да тут мать умерла, и не удержалась девка от соблазнов вольной жизни, погрязла в пьянстве да распутстве. Исчезли из жизни Зойки богатые мужики, вместо них появились рангом пониже, а потом и те пропали куда-то. Дом Долженковой превратился в малину, где кидали «каталы» да кутили солидные уголовники, затем и те измельчали, и на смену стали захаживать в дом Зойки жулье, ворье, алкаши да наркоманы. Так, ступенька за ступенькой, все ниже опускалась Долженкова. Остался в конце концов в ее жизни единственный мужчина – Сашка Шиляев. Пять лет назад вышла за него замуж, думала, может, удастся ей, держась за мужа, выплыть из омута на поверхность. Не получилось. Наркоманом оказался Сашка, утащил ее на самое дно. Сама-то она наркушей не стала. Так, могла иной раз на халяву какой-нибудь дешевой бурдой уколоться или анаши покурить, но все же кайфу наркотическому предпочитала алкогольный. Э-эх! Как жрать-то хочется!

А в это время на веранде Сашка готовил к инъекции «ханку». Он соскоблил ножом в бутылочку из-под таблеток желеобразную массу и долил в нее воды из-под крана. Чтобы не обжечь при нагревании пальцы, взял склянку за горлышко деревянной прищепкой и поднес ее к газовой конфорке.

Нечистый, стоя в дверях, курил и инструктировал Шиляева:

– Прибудешь в столицу, сразу же отправишься в ресторан «Кооператор». Спросишь там Витьку Дудника. Он в кабаке с шести часов вечера бывает, тебе его любой покажет. Дудник в курсе икон. Он мне их заказывал. Поедешь с ним к клиенту, покажешь товар. Смотри не

продешеви! Торгуйся. Ту цену, что будут давать, удвой. Если заартачатся, сделай вид, будто забираешь иконы, мол, другого покупателя найдешь... Да не мне тебя учить! – Алиферов вдруг загоготал: – Ты в барыжных делах поднаторел. Вон сколько барахла из дома продал...

Шиляев исподлобья бросил на Нечистого недобрый взгляд. И тут то ли бес толкнул под руку Сашку, то ли пальцы судорожно сжались, но склянка выскользнула из прищепки и стукнулась дном о газовую плиту. Темная струя жидкости выплеснулась из горлышка, ударилась в кафель и потекла по нему грязными слезами – Сашкиными слезами оставшегося без дозы наркомана.

– А-а! – из самых недр Сашкиной души исторгнулся крик ужаса. Наркоман схватился за голову и даже присел, выражая всем своим видом крайнюю степень отчаяния. – Это конец!

Нечистый бросил на пол окурков, раздавил его каблуком.

– Растяпа! – заорал он в бешенстве. – «Ширку» себе сварганить не может. Где я тебе еще возьму? Сдохнешь теперь, как собака! – В сердцах Алиферов сплюнул на пол. Этот наркоман вводит его во все большие расходы.

Шиляев тем временем вышел из оцепенения. Он, очевидно, принял какое-то решение.

– Ладно, не пропадать же добру, – пропуская мимо ушей выпад Нечистого, сказал он, взял ватку и стал собирать ею темную жидкость с невытога, наверное, со дня приклеивания к стене кафеля. Отжав ватку в склянку, он так же бережно стал промокать капли «ханки» на газовой плите.

Нечистый понял, для какой цели он это делает.

– Ты собираешься вколоть себе эту дрянь? – изумился он.

– Что ж, подышать теперь? – резонно заметил Шиляев и бросил ватку в склянку. – Использую как «вторичку».

Он добавил в «ханку» воду и, на сей раз надежно обвязав горлышко склянки проволокой, вновь поднес ее к огню. Теперь, после столь варварски приготовленного зелья, дезинфицировать шприц было бы просто смешно. Шиляев обмотал кончик иглы ваткой, погрузил его в склянку и набрал адскую смесь в шприц. Через пару минут привычной после «геры» эйфории у Шиляева не наступило, но он был в состоянии побриться и переодеться в привезенные Нечистым шмотки.

Пятнадцать минут спустя компания бодро вышла из дому и направилась к «Жигулям».

Глава 9

Старший следователь ГУВД майор Шатохин – человек волевой, решительный, энергичный. Лицо у него грубоватое – выдающийся вперед подбородок, широкие скулы, большой лоб, жесткий рот. Поперек носа шрам – память о захвате рецидивиста. Волосы темные, жесткие, коротко пострижены. В свои сорок два года майор в отличной спортивной форме, подтянут. Прекрасно владеет оружием и приемами рукопашного боя. Что еще сказать? Отличный семьянин, любящий муж, заботливый отец, пример детям. На работе уважают, начальство ценит, подчиненные, как полагается, побаиваются. Все, пожалуй... Любит рыбалку, но на это увлечение совсем нет времени, так что останавливаться на нем подробно не стоит...

В этот час Шатохин сидел в своем кабинете на работе, просматривал накопившиеся документы. Дверь неожиданно приоткрылась, и в комнату заглянул его сослуживец и давний приятель капитан Васильев.

– Привет, Юра! – Борис Васильев так торопился, что даже не стал заходить в кабинет. – Иду вот от шефа, он срочно тебя вызывает.

– Крови моей жаждет? – пошутил Шатохин.

– Он всегда чьей-нибудь жаждет, – в тон ему ответил капитан. – Иди, не дразни Монстра. – Махнув на прощанье рукой, Борис исчез.

Дразнить начальника Городского управления внутренних дел действительно не следовало. Строгий он был мужик. Он не кричал, не топал ногами, нет. Но была в нем какая-то властность, внутренняя сила. Иной раз достаточно было одного его взгляда, чтобы подчиненные вытягивались в струнку. Шатохин быстро поднялся, вышел из кабинета и закрыл дверь на ключ. В длинном, широком коридоре было пустынно, за исключением двух куривших в дальнем его конце у открытого окна милиционеров. Майор в знак приветствия высоко поднял руку и сбежал по мраморным ступенькам с третьего этажа на второй. Здесь вообще хоть шаром покати. «Вымерли все, что ли?» – подумал Шатохин недоуменно, однако тут же признал, что такую жару лучше всего пережить в кабинете под кондиционером.

Начальник ГУВД полковник Исламов так и делал. Он сидел в своем шикарном кабинете за громадным полированным столом с включенным во всю мощь кондиционером и пил чай. Хотя в кабинете было относительно прохладно, по обрызглому, с заплывшими от жира глазками лицу полковника градом струился пот, и он то и дело отирал его промокшим насквозь огромным носовым платком. Как большинство рыхлых и тучных людей, Исламов страдал одышкой.

– Проходи, майор, садись, – просвистел он, тяжело отдуваясь, и, когда Шатохин присел на краешек стула у длинного стола для заседаний, налил в пиалу чай и протянул подчиненному: – На, выпей! В жару лучше, чем зеленый чай, на свете нет напитка.

С кем-нибудь другим майор мог бы поспорить. Почему нет? Пиво, например... Однако молча принял из рук шефа пиалу и сделал небольшой глоток обжигающего золотистого напитка.

– Вот что, Юрий Иванович, – почмокивая толстыми губами, изрек полковник. – У меня к тебе особое задание... Тут вот дежурный по ГУВД, приятель твой Васильев, сводку по происшествиям за ночь принес... Оказывается, одинокую старушку на окраине города ночью до полусмерти избили и иконы из дому вынесли. Так вот, я бы хотел, чтобы за расследование этого дела взялся именно ты.

С начальством особо не поспоришь. В глубине же души Шатохин был возмущен и крайне озадачен поручением Исламова. С чего бы это вдруг человеку такого ранга интере-

соваться ограблением одинокой старушки? Тем не менее он с нотками досады и обиды в голосе возразил:

– Товарищ полковник, у меня убийств нераскрытых куча. Серьезные ограбления, разбои, а вы мне старушку подсовываете с какими-то там иконами. Что, мне больше делать нечего?

Исламов терпеть не мог, когда ему перечат, однако к Шатохину относился снисходительно. Нравился ему старший следователь.

– Я предвидел твои возражения, майор, – закивал Исламов так, что под его челюстью заколыхался второй подбородок. – Но это преступление на первый взгляд кажется заурядным. – Полковник хлебнул еще чаю и промокнул лоб носовым платком. – Тут на днях директива пришла из центра. У них в столице группа аферистов действует. А занимаются они хищением икон и других церковных ценностей и перепродажей их за рубеж. А на днях в столице конференция священнослужителей состоится. Снова уплывет народное состояние из республики, майор. Понятно, высокое начальство этим весьма обеспокоено. Вот и просят тщательно расследовать и сообщать в центр обо всех случаях, так или иначе связанных с уже перечисленными мною хищениями. Улавливаешь связь?

– Улавливаю, – вынужден был признаться Шатохин. – Вы хотите через грабителей старушки выйти на аферистов в столице?

– Верно. – Исламов самодовольно улыбнулся. – Может быть, то, что не удалось сделать столичным пинкертонам, удастся сыщику из провинциального города? Машина в твоём распоряжении. Действуй, майор! – Кивком полковник отпустил подчиненного.

Крайне недовольный поручением начальника, Шатохин вышел из кабинета и стал спускаться по лестнице на первый этаж. Майор действительно был загружен текущими делами, и теперь расследование этого заурядного преступления отодвигало их на второй план. Не верил Шатохин, что иконы старухи представляли какую-то ценность. Алкаши, наверное, сперли, а Исламову мерещится преступный синдикат по хищению и сбыту церковных ценностей. Однако к расследованию этого преступления, как, впрочем, и любому другому порученному ему делу, майор подошел со всей ответственностью и, не откладывая его в долгий ящик, направился к дежурившему на первом этаже капитану Васильеву.

Борис сидел за стеклянной перегородкой в небольшой комнате. Всю площадь до стен справа, слева и впереди от него занимал огромный пульт со множеством телефонных трубок, кнопок, кнопочек, тумблеров и лампочек. Васильев разговаривал по телефону и что-то быстро записывал в журнал. Завидев Шатохина, он сделал ему знак подождать и, поговорив еще с минуту, положил трубку и с любопытством спросил:

– Ну и зачем тебя вызывал Монстр?

Монстром в управлении прозвали Исламова за его тучность и свирепое выражение лица.

– Ночью старушку на окраине города избили, – неохотно поведал Шатохин. – Иконы из дому унесли. Вот шеф расследование этого дела лично мне и поручил.

На загорелом носатом лице Васильева отразилось недоумение.

– Ты же старший следователь, Юра! – со свойственной ему экспансивностью воскликнул капитан. – Чего же он тебя такой ерундой заниматься заставляет?

Распространяться дальше на эту тему Шатохин не стал. Сохранял служебную тайну. Он лишь развел руками и невесело пошутил:

– Не нашлось более достойной кандидатуры, кто мог бы расследовать это загадочное преступление. Ладно, Борька, некогда мне. Скажи-ка фамилию старушки, в какой больнице лежит, ее домашний адрес, и я побежал.

– Да вот, пожалуйста. – Васильев заглянул в журнал. – Серебрякова Клавдия Павловна. Пятнадцатая горбольница...

– Погоди-ка! – перебил приятеля Шатохин. – Дай-ка я сразу туда позвоню. – Майор вошел в дежурку, полистал телефонный справочник и набрал номер главного врача больницы.

Почти сразу в трубке раздался щелчок, и густой бас произнес:

– Слушаю!

– Здравствуйте! Из ГУВД вас беспокоят. Майор Шатохин...

– Да-да, слушаю.

– Сегодня утром к вам старушка поступила с тяжкими телесными повреждениями. Серебрякова Клавдия Павловна. Будьте добры, узнайте, в каком она сейчас находится состоянии.

– Минуточку, – произнесли на том конце провода и надолго замолчали. Некоторое время в трубке раздавался отдаленный шум голосов, скрип дверей, потом все тот же голос сказал в самое ухо Шатохину: – Серебрякова находится в реанимационном отделении, товарищ майор, в крайне тяжелом состоянии. В сознание не приходила.

– Понятно. А из судмедэкспертизы были?

Последовала короткая пауза, за время которой главврач, очевидно, успел проконсультироваться у кого-то находящегося рядом с ним, затем пробасил:

– Были. Заключение судмедэксперта имеется.

– Как фамилия врача?

Пауза. Ответ:

– Колесников Илья Федорович.

– Спасибо за информацию, всего доброго! – Майор положил трубку и сообщил Васильеву: – В больнице делать нечего, старушка без сознания. Поеду поговорю с судмедэкспертом.

Переписав адрес Серебряковой в свой блокнот, Шатохин вышел из дежурной части, а потом и из здания ГУВД.

Знойное солнце нещадно поливало землю обжигающими лучами. Оказавшись под палящим светилом, редкие прохожие старались быстрее нырнуть в спасительную тень огромных деревьев, двумя рядами росших по обе стороны центральной дороги. Здание судмедэкспертизы находилось на территории второй горбольницы. До него было рукой подать, однако майор предпочел отправиться туда на машине.

Водителя Саида Рахматова Шатохин отыскал в чайхане, где тот коротал время за чайником чая и шахматной доской. Завидев майора, полный, с отвисшим животом Саид, одетый в мешковато сидевшую на нем милицейскую форму, сполз с топчана и, на ходу надевая на бритую голову фуражку, заспешил навстречу.

– Здравия желаю, товарищ майор, – поздоровался он, пожимая Шатохину руку. Лицо у Рахматова было хитрое, с маленькими глазками-пуговками, со смешно торчащими в разные стороны усами. – Едем?

– Едем. Вначале в судмедэкспертизу.

Вдвоем они направились к беленькому новенькому «Дамасу», присланному недавно из столицы на смену развалившемуся «газику». Хотя автомобиль стоял в тени, в салоне воздух был прогрет до температуры разогретой духовки. Не сговариваясь, опустили стекла на дверцах машины, и «Дамас» выехал со двора ГУВД. Ворвавшийся в окно горячий воздух тут же высушил мокрое от пота лицо Шатохина.

Через пару минут машина въехала в ворота больницы и остановилась на заднем дворе у неказистого одноэтажного здания. Майор вылез из машины, направился к крыльцу.

Не любил Шатохин бывать в здании судмедэкспертизы с его застоявшимся запахом мертвечины; с заплаканными лицами родственников, оформляющих документы на получение

ние трупов; врачами и санитарями, вынужденными по роду своей службы ежечасно кромсать трупы, освидетельствовать увечья, травмы, а потому загрубевшими душой и сердцем.

Всех здешних медицинских работников Шатохин отлично знал, как и они его, поскольку судмедэкспертиза и милиция по роду своей деятельности тесно связаны между собой, а уж с Колесниковым он провел не один день вместе, разъезжая с ним по вызовам, в том числе и в отдаленные горные районы, где иной раз приходилось оставаться на ночь.

Колесникова Шатохин застал в его кабинете. Это был представительный мужчина, немногим младше майора, с густой темной шевелюрой, орлиным четким профилем и неожиданно большими, какого-то женского типа глазами. Такие мужчины наверняка ужасно нравятся женщинам. Судмедэксперт поднялся из-за стола навстречу майору.

– Рад тебя видеть, Юра, – с искренней улыбкой пожимая Шатохину руку, сказал он. – Давненько мы с тобой не встречались. С чем пожаловал?

Трупный запах, исходивший из морга, расположенного в конце здания, не мог перебить даже формалин, которым щедро дезинфицировали мертвецов. Шатохин встал у окна – здесь легче дышалось, – достал пачку сигарет, угостил Колесникова и закурил сам.

– Старушкой одной интересуюсь, – прислоняясь к подоконнику, сказал Шатохин. – Говорят, утром ты к ней в больницу ездил.

– К Серебряковой? Ездил. А с чего это ты вдруг на избитых старушек перешел? – удивился судмедэксперт. – Тебя что, в должности понизили?

– Наоборот, за раскрытие этого преступления к награде обещали представить, – хохотнул Шатохин. – Ну а если серьезно, у старушки иконы кое-какие похитили. Возможно, они представляют историческую ценность. Так что же с ней там приключилось?

– Плохи ее дела, Юра. – Колесников выпустил струю дыма в окно. – Серьезные травмы черепа и грудной клетки и неизвестно еще, каково состояние внутренних органов. Но это уже покажет рентген. Так что можно квалифицировать как тяжелой степени увечья, опасные для жизни.

Шатохин помолчал, задумчиво качая головой, потом спросил:

– Как ты думаешь, старушка оклемается?

– Кто знает, Юра, – пожал плечами судмедэксперт. – Возраст, сам понимаешь... Надежды мало.

– Ясно, – с невеселым видом произнес майор. – Значит, надеяться на ее показания мне нечего. А жаль...

Перекинувшись несколькими ничего не значащими фразами с Колесниковым, майор покинул здание судмедэкспертизы.

Глава 10

Женька проспал до двенадцати часов дня – сказались пережитое накануне нервное напряжение и солидная доза выпитого спиртного. В квартире было тихо. Родители уже давно ушли на работу, а младший брат, по-видимому, как обычно, гонял на улице в футбол. Острой стрелой пронзила мозг страшная мысль – бабка! Весь вчерашний день вспомнился до мельчайших подробностей, и Женьку бросило в жар. Дурак! Какой же он был дурак, что потащился вчера с пьяной и накачанной наркотиками компанией в дом старухи. А все этот зверь, Нечистый! Да и наркоман этот, Сашка, тоже психопатом оказался. Какого черта поднял на бабку руку? Но как же так? Почему вдруг вышло, что он, простой, честный и в общем-то неплохой парень, стал соучастником такого страшного преступления – убийства? Что послужило причиной? Слабохарактерность? Глупость? Вроде бы не дурак. Ах, как бы он сейчас желал, чтобы все то, что вчера случилось с ним, оказалось кошмарным сном, приснившимся ночью! Увы...

Твердо решив признаться во всем родителям, парень потащился в ванную. Холодный душ облегчения не принес. Все еще чувствуя себя человеком, которого переехал танк, Женька вылез из ванны и стал вытираться полотенцем.

Трепль звонка оторвала его от невеселых мыслей. Натянув трусы, он подошел к входной двери и глянул в «глазок». Его взору предстала губастая, искаженная линзой физиономия приятеля, которую тот хохмы ради вплотную приблизил к «глазку». Кого-кого, а Кольку Женька рад был сейчас видеть. Он открыл замок и впустил Кабатова в квартиру.

Вид у Кольки был радостный, даже чересчур, для человека, на чьей совести труп невинной старушки.

– С чего это ты такой веселый? – с мрачным удивлением спросил Женька. – В лотерею, что ли, выиграл?

Кабатов был счастлив, так счастлив, что, казалось, готов был от распиравшего его чувства мячиком заскакать вокруг приятеля.

– Лучше, Женька, лучше! – Оглядываясь по сторонам, он понизил голос до тона заговорщика. – Дома есть кто-нибудь?

Женька отрицательно покачал головой.

– Говори спокойно.

– Старуха-то жива! – выпалил Кабатов и несильно ударил приятеля ладонью по плечу.

– Врешь! – Эта новость была хороша, сказочно хороша, чтобы вот так с ходу в нее поверить.

Колька изобразил на лице обиду, однако ничто не могло омрачить его радужного настроения.

– Обижает, братан! Чистую правду говорю! Мне Нечистый позвонил, сказал, будто Зойка каким-то образом выяснила, что старуху утром на «Скорой помощи» в больницу увезли.

У Женьки словно сняли груз, давивший на грудь могильной плитой. Такой легкости он никогда еще в своей жизни не испытывал. Расправив плечи, парень глубоко вздохнул и что было мочи заорал:

– А-а!.. – затем сграбастал приятеля и подкинул его в воздух. Его радости не было предела.

– Пусти, дурак, раздавишь!

Колька оттолкнул товарища и тут же шутливо ударил его кулаком в грудь. Женька не остался в долгу, и оба приятеля, пихая и подталкивая друг друга, закружились по прихожей, как два бойцовых петуха.

– Ну, ты меня обрадовал! – наконец, прекращая возню, признался Женька. – А то я уж решил, что мы с тобой «мокрушниками» стали.

– Я и сам весь извелся! – все еще испытывая возбуждение, в свою очередь признался Кабатов. – Думал, все – на честной жизни теперь крест можно поставить. Ходил с утра как пришибленный, а когда Нечистый позвонил, у меня словно крылья выросли... Давай собирайся, поедem к нему.

Женька тут же нахмурился.

– Честно говоря, у меня нет никакого желания встречаться с твоим родственником.

– Да ладно тебе, – беспечным тоном заявил Колька. – Чем он тебе не нравится? Поит, кормит, «телок» подставляет.

– Грабить и убивать заставляет, – поддакнул Женька.

– Ну, это ты брось! – обиделся за родственничка Колька. – Никто нас, в конце концов, к старухе в дом не тащил, сами поехали... Между прочим, нам с этого дела доля причитается.

– Да не нужна мне никакая доля! – возмутился Женька. – Еще чего!

– Ну, нужна не нужна – это тебе решать, – тоном солидного человека изрек Кабатов. – А к Нечистому ехать все-таки придется. Нужно точно выяснить, что там с бабкой...

Колян был прав. К Нечистому съездить было просто необходимо, хотя бы для того, чтобы убедиться, что старуха жива. Другого источника информации у ребят просто не было. Однако Женька все еще упорствовал:

– Там, наверное, опять этот наркоман ненормальный будет. Меня от одной его дебильной рожи воротит.

– Его нет в городе, – откликнулся Кабатов. – Нечистый сказал, что он в столицу укатил. Я так понял, Сашка иконы повез сдавать. Поехали, Женька!

И еще одно обстоятельство было за то, чтобы отправиться к Нечистому. Втайне Женька надеялся встретить там Зойку. После первого сексуального опыта с ней разочарование развеялось, пустота вновь заполнилась желанием, и он наконец-то осознал себя настоящим полноценным мужчиной, познавшим в этой жизни все. Наивный парень. И доведись ему вновь оказаться наедине с Долженковой, он не был бы скован и неловок, как в первый раз, а показал бы себя опытным любовником и уж обязательно проделал с ней все те штуки, которые рисовало ему его сексуальное воображение.

– Ладно, поехали, – сдался Женька и пошел в свою комнату за одеждой. Мысль о том, чтобы во всем признаться родителям, он отверг. Авось пронесет...

Глава 11

Центральная часть города с современными многоэтажными зданиями, фонтанами и коммерческими магазинами, заваленными мишурным китайским товаром, осталась позади. Появились дома помельче, попроще, потом и они кончились, и «Дамас» покатыл по улицам и улочкам с одноэтажными частными домами. Пахло пылью, солнцем и персиками. Здесь, на окраине города, деревьев с этими плодами было изобилие.

На пересечении улиц машина свернула вправо и поехала вниз по улочке с тряской дорогой. У дома номер 243 с разросшимися в палисаднике кустами смородины Саид притормозил. Шатохин вылез из машины и подошел к невысоким деревянным воротам, закрытым на замок. Такой же замок висел и на дверях веранды. Старая рыжая дворняга, единственный обитатель усадьбы Серебряковой, гавкнув для приличия пару раз, скрылась в будке и оттуда глухо зарычала. «Вернется ли в дом твоя хозяйка?» – невесело подумал майор, достал сигареты и закурил.

Появление на тихой улочке милицейской машины не прошло незамеченным. С противоположной стороны улицы из дома наискосок вышел человек в шароварах, клетчатой рубашке и не спеша направился в сторону милиционера. Это был крепкий старик с окладистой бородой и умными живыми глазами. Подойдя к майору, протянул для пожатия широкую мозолистую ладонь.

– С утра вас поджидаю, – сказал он и представился: – Чугунов Семен Павлович, брат Серебряковой.

Рука у старика была сильная, рукопожатие крепкое, из чего Шатохин заключил, что Чугунов обладает железным характером.

– Юрий Иванович Шатохин, – назвался майор. – Старший следователь. Буду заниматься расследованием ограбления и нанесения тяжких телесных повреждений вашей сестре. Где мы можем побеседовать?

– Пойдемте ко мне домой, там и поговорим! И вы пойдемте! – предложил Чугунов Саиду. – Чай будем пить.

Рахматов вышел из машины размять ноги. Он пожал старику руку и вежливо отказался:

– Спасибо, отец, чай я уже пил. Вы идите, а я на свежем воздухе в тенечке посижу.

– Как знаете. – Старик повернулся и походкой уверенного в себе человека направился к дому.

Шатохин отправился за ним. Во дворе в конце длинной аккуратной дорожки из бетона, по краям которой росли астры, старик придержал за ошейник огромного волкодава, и майор благополучно проскочил мимо него на веранду. Его здесь ждали – у окна был накрыт стол. На нем чайник, чашки, вазочки с вареньем, медом, масло, горка блинов на тарелке и темное домашнее вино в графине. Стоявшая у порога хозяйка – сухая старуха в темно-синем крепдешиновом платье в мелкий горошек – отступила в глубь веранды, приветливо кивая:

– Проходите, пожалуйста, садитесь. Мы вас давно ждем. Думаем, должен же кто-то из милиции приехать, насчет Клавдии поговорить. Счастье, что золовка осталась жива.

У старухи было аристократическое, чуть надменное лицо. Очевидно, в молодости она была писаной красавицей и немало ребят сохли по ней. Но поведать об этом могла лишь сама Чугунова. Да разве признается? Муж-то у нее, кажется, собственник. До сих пор вон ревниво оберегает свое сокровище от мужских взглядов.

Майор Нине Сергеевне понравился сразу. Представительный мужик, видать, серьезный, деловой. Такой быстро во всем разберется. Бандитов надо поймать, а то мало ли каких дел они еще натворить могут. Да и образа вернуть надо. Священные реликвии они. Рассчи-

тивая задобрить милиционера, чтобы он, значит, лучше свой долг выполнял, наивная баба Нина и накрыла стол, к которому усердно приглашала Шатохина.

– Садитесь, садитесь, сейчас горячее подадим.

Майор обычно избегал подобного рода приглашений, обязывающих потом к чему-либо, но обижать стариков не стал, не тот случай. Сполоснул под умывальником руки и вместе с Чугуновым уселся за стол. Казалось, этого момента хозяева только и ждали. Старуха принесла из серванта посуду, а вышедшая из дому на веранду тоненькая девушка в коротком сарафане взяла с газовой плиты кастрюлю, поставила ее на стол и стала разливать в тарелки красный украинский борщ, изредка бросая на майора любопытные взгляды.

– Внучка моя, Ксения, – похвалилась Нина Сергеевна, ставя перед гостем тарелку. – Сама борщ готовила.

Старик ласково погладил внучку по руке с нежной бархатистой кожей.

– Уедет скоро от нас Ксюша, – сказал он с тихой грустью, – останемся мы с бабкой одни-одинешеньки.

– Куда же? – поинтересовался майор.

– В Россию-матушку, к родителям. Они уж год как там живут.

Майор невольно залюбовался Ксюшкой. До чего же хороша девка! Настоящая русская красавица, с косой. Вот и баба Нина в молодости была, видимо, такой же. А Ксюша еще расцветет, еще краше станет. Молода ведь еще, угловата. Нет плавности в движениях. Сколько ей лет? Семнадцать? Восемнадцать? Скорее всего... Значит, ровесница старшего сына майора. Последнее время он не раз задумывался над тем, какая жена будет у парня и как у него сложатся взаимоотношения со снохой. Если честно, то ни одна из девушек, с которыми парень встречался, ему не нравилась. Но вот с такой девушкой, как Ксюша, – Шатохин почему-то был уверен в этом, – он наверняка поладил бы.

От вина майор категорически отказался:

– Извините, на работе не пью. – И он принялся за борщ. А вот готовить девушке следовало бы подучиться. Шатохин сам неплохо стряпал и любил вкусно поесть. Ничего, со временем и этому ремеслу научиться. – А что, Семен Павлович, у сестры вашей детей разве нет?

– Почему нет? – выпив стаканчик вина, словоохотливо отозвался Чугунов. – Есть. Сын и дочь. И внуков четверо. Да все они, как и наши дети, в Россию подались. Здесь перспективы-то для них нет.

– А вы сами не собираетесь?

– Куда уж нам, старикам, – вздохнул Чугунов, очевидно, вспомнив о живущих вдалеке детях. – Мы уж здесь свой век доживем.

На второе была картошка с мясом. Это блюдо оказалось намного вкуснее предыдущего, и Шатохин ел с удовольствием. За чаем разговор возобновился.

– Кто обнаружил Серебрякову? – спросил майор.

– Я, – отозвалась скромно сидевшая за столом Ксения.

Шатохин перевел взгляд на внучку Чугуновых и, не скрывая своей симпатии, мягко сказал:

– Что ж, Ксюша, рассказывай, как дело было.

Стараясь ничего не упустить, девушка подробно рассказала о том, как нашла утром Клавдию Павловну.

Внимательно выслушав внучку Чугуновых, Шатохин задал вопрос:

– А ночью никто из вас ничего подозрительного не слышал?

– Я как будто слыхала, – подумав, виновато призналась Нина Сергеевна. – Вроде машина урчала и собаки лаяли. Но я не придавала этому значения.

Шатохин встрепенулся:

– Время запомнили?

– Я думаю, было это в первом часу ночи, – после непродолжительной паузы неуверенно сказала Чугунова. – Но не берусь утверждать. Я слышала звук мотора и лай собак в полусне и, как мне показалось, вскоре после того, как легла в постель.

– Больше никто ничего не слышал? – майор вопросительным взглядом поочередно посмотрел вначале на деда, потом на внучку. Поскольку они молчали, задал следующий вопрос: – Как вы думаете, кто мог ограбить вашу родственницу?

Ответил Семен Павлович:

– Наверное, тот, кто хорошо знал, что у Клавы имеются старинные иконы.

– Логично, – склонил голову Шатохин. – Значит, кто-то из близкого окружения – родные, соседи или близкие знакомые.

Чугунов отхлебнул чаю и, поглаживая бороду, солидно изрек:

– Возможно. Хотя соседи, я думаю, здесь ни при чем, раз жена моя слышала звук машины. Не будет же грабитель с соседней улицы к дому Клавы на машине подъезжать. Нет, бандиты приехали издалече.

– Но соседи могли быть наводчиками или соучастниками, – возразил майор. – Так что их тоже не следует сбрасывать со счетов. Тем более что супруга ваша не уверена в своих предположениях. Сколько было похищено икон?

– Три.

– Они что, действительно дорогие?

– Видите ли, – вступила в разговор Нина Сергеевна, – иконы бесценны. Вернее, у них нет цены – они не покупаются и не продаются. Это семейные реликвии, переходящие по наследству.

– Я принимаю во внимание ваши религиозные чувства, – осторожно возразил майор, – но тем не менее каждая вещь имеет свою цену. А уж иконы давно.

– Да-да, согласен, – признал старик. – Все иконы в доме сестры стоят дорого, а особенно эти три. Во всяком случае, так считала сама Клава.

– Ну, вот видите, – оживился Шатохин. – Круг подозреваемых можно сузить. Кто еще знал, что эти три иконы самые ценные?

Но здесь следователя постигло разочарование. Старик не задумываясь ответил:

– Очень многие. У Клавы-то комната, где иконы хранились, для верующих вроде молельни была, а неверующие в нее как в музей ходили. И ребятишки забегали, и соседи, и родственники, и знакомые – и всех сестра в ту комнату водила, и образа показывала, да историю каждого рассказывала. К богу, значит, приобщала.

– Да-а... – протянул майор голосом человека, чьи надежды не оправдались. – Выходит, вычислить преступника будет не так-то просто. Остается уповать на врачей да на бога, чтобы Серебрякова поскорее в себя пришла. Она, видимо, преступников в лицо видела да узнала их. За это ее и убить хотели... А теперь давайте-ка я ваши показания запишу.

Шатохин встал, вошел в дом и, усевшись в зале за стол, подробно записал показания всех обитателей дома. Затем снова вышел на веранду.

– Ладно, хозяева, – сказал он, – спасибо за угощение, мне пора.

– Да куда же вы?! – всполошилась Нина Сергеевна. – Вы же еще блинов не отведали да меду. Медок-то у нас свой, свеженький. Попробуйте!

– Еще раз спасибо, но мне действительно нужно идти. До свидания!

Подмигнув Ксюшке, майор пожал руку старику, собираясь уходить, однако тот задержал ладонь Шатохина в своей.

– Вы не поедете мимо больницы, где лежит Клава?

– А что вы хотели?

– Съездить к ней.

– Она же без сознания, – надевая фуражку, сказал майор. – Вы ей ничем не поможете.

– Это уж вы не скажите, – усмехнулся Чугунов. – На бога и врачей мы, конечно, уповать будем, но вы же знаете, какое нынче положение в больницах, – нет ни лекарств, ни бинтов, ни ваты, ни белья. Я хотел бы съездить. Может быть, Клавье что-нибудь нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.